

Встреча

Голдстайны, отец и сын, преуспевающие владельцы адвокатской конторы в Нью-Йорке, поселились в гостинице „Форум”. Туристический агент, организовавший поездку, уверял, что лучшей гостиницы в Братиславе не сыскать.

Даниил Голдстайн родился и прожил в этом городе девять лет до того дня осени 1941 года, когда даже небо рыдало, видя, как их семья вынуждена бежать в Будапешт. Сейчас, пятьдесят пять лет спустя, он впервые приехал в родной город.

Даниил умел блестяще излагать логичные построения, завораживая судей и присяжных мягким баритоном. Но никакие усилия не помогли бы ему объяснить, чего вдруг он решил приехать в Братиславу, в которой у него нет ни родных, ни близких, ни даже могил родителей, почему он уговорил Стенли, тридцатитрёхлетнего сына, единственного своего наследника и компаньона, сопровождать его в этой поездке. Не было тому объяснения.

Ещё в 1947 году его приёмный отец, доктор Голдстайн получил официальное сообщение о том, что родители Даниила погибли в Освенциме. Старшего брата Гавриэля разыскать не удалось, хотя обширные связи доктора Голдстайна предоставляли ему широчайшие возможности.

Солнце уже давно скрылось за домами. Но июльский вечер был светел. Можно было рассматривать город, неторопливо прогуливаясь по быстро пустеющим улицам. Многие Даниил узнавал, приближаясь к дому, в котором родился. Вот он – красивый респектабельный образец барокко начала двадцатого века. Здесь, на четвёртом этаже жила семья видного братиславского врача-терапевта доктора Гольдмана. Слева от широкой массивной двери с бронзовыми львами была отполированная до зеркального блеска медная табличка с именем доктора. Войти бы сейчас в просторный подъезд с мраморным полом, прикоснуться к вычурной металлической двери лифта, который до самого бегства из Братиславы был любимым развлечением ребёнка. Не надо. А вот гимназия, в которой учился Гавриэль.

Стенли сопровождал отца, подавляя скуку. Братислава не производила на него впечатления. Реминисценции отца оставляли его равнодушным.

Воспоминания... Когда в Будапеште их погрузили в этот страшный вагон, ему было почти двенадцать лет. По логике вещей Будапешт он должен помнить лучше Братиславы. Но улицы оживали, воскрешая далёкие детские ощущения, и запахи, и звуки. И сразу за этим была боль, и голод, и страх. Их разлучили, как только за ними захлопнулись ворота ада. Родителей увели навсегда. И Гавриэля. Рассказывали, что его, крепкого семнадцатилетнего юношу, приставили к печам в крематории. Рассказывали, что работавшие в крематории совершили побег. Кому-то вроде удалось спастись. Слухи были смутные, осторожные. Слухи обречённых. В начале декабря он впервые потерял сознание.

А потом? Он не помнит, как их освободили советские солдаты. Расплывчатые картины в сумеречном сознании прыгали, словно несфокусированные кадры испорченного кинематографа. Он не помнит, каким образом советская больница превратилась в американский госпиталь. Только постепенно, уже к концу лета можно было отличить одну от другой выхаживавших его сестричек. Медленно, из ниоткуда выползала и становилась понятной английская речь. Он уже мог общаться с этим добрым американским майором, доктором Голдстайном.

Тяжёлые тёмно-красные яблоки пригибали к земле ветви в госпитальном саду на берегу Майна, когда Даниэль на смеси английского с венгерским и словацким рассказал доктору Голдстайну, что произошло с их семьёй после бегства из Братиславы. Майор протирал очки и снова надевал их, не произнося ни слова. Перед рождеством доктор Голдстайн демобилизовался и вернулся в Нью-Йорк вместе с усыновлённым Даниэлем. Новые родители оказались такими же золотыми,

как родные, по которым мальчик долго не переставал тосковать. Случайно ли слово „голд” – „золото” – оказалось в корне обеих фамилий?

Воспоминания... В молчании Голдстайны подошли к гостинице. Даниил не мог вынырнуть из прошлого. Стенли нагулял аппетит и мечтал о свиной отбивной с рёбрышком и бутылке хорошего сухого красного вина.

Белбой выкатил тележку с двумя чемоданами и погрузил их в багажник такси. На заднее сидение сел красивый атлетически сложенный молодой человек. Рядом с водителем – старик с вязаной ермолкой на голове. Евреи – подумал Стенли. Но до чего же этот старик похож на отца! Впрочем, все старые евреи похожи друг на друга. Такси тронулось. В тот же миг Стенли забыл неизвестно как возникшую сентенцию.

Утром они поехали на еврейское кладбище. Даниил помнил бабушку и дедушку. Он их очень любил. Они умерли почти одновременно перед самым разделом Чехословакии. Даниэлю было уже почти шесть лет. Его не взяли на похороны. Но потом, когда установили памятники, они приехали на кладбище всей семьёй. Он помнил эти памятники. Он помнил, где они находятся не хуже, чем улицы Братиславы вблизи их дома. Даниил был уверен, что сейчас без труда найдёт дорогие могилы. Только до того, как они вошли в ворота.

Они стояли одни перед густыми зарослями крапивы, репейника и чертополоха, скрывавшими поваленные и разбитые надгробья. Даниил беспомощно озирался. Стенли увидел у сторожки старого словака, который, если судить по внешнему виду, просил милостыню.

Даниил обратился к нему, с трудом извлекая из памяти крохи слов на словацком языке. Оказалось, старик служил сторожем, а в сторожке даже есть книги захоронений. Даниил назвал имена – Эстер и Моисей Гольдманы.

Старый сторож как-то странно посмотрел на этих американцев (он определил в них американцев ещё до того, как они обратились к нему) и быстро направился вглубь кладбища по едва заметной тропинке. Через несколько минут, в репьях до самого пояса, они пробрались к расчищенному островку в море заброшенности и тлена.

Две вымытых чёрных мраморных плиты чуть ли не до поверхности погрузились в землю, в многолетние слои сгнивших сорняков. Даже Стенли почувствовал незнакомый трепет у могил прабабушки и прадедушки.

– Но каким образом эти могилы? – Даниил провёл рукой от одного памятника к другому, а затем к окружавшей их крапиве и чертополоху.

– Понимаете, господин, я и сам удивляюсь. Понимаете, надо же такое, вчера пришли два господина, старый и совсем молодой. По-моему, они израильтяне. Они попросили найти могилы Эстер и Моисея Гольдмана. Старый господин даже знал номер участка и ряда. Я проверил по книге. Так и есть. А потом мы три часа искали. А потом ещё часа два расчищали. Старый господин был в ермолке. Он сказал, что он внук захороненных. А его внук вытащил ермолку из кармана и произнёс молитву на языке, на котором когда-то здесь молились. А старый господин заплакал. А потом он очень щедро заплатил мне. Простите, господин, но мне сдаётся, что вы похожи на старого господина.

Стенли подумал о двух евреях, которых вчера вечером увидел у входа в гостиницу, но решил, что разумнее промолчать.

Даниил тоже заплатил щедро. В такси он сидел, всем корпусом поддавшись вперёд. Гостиниц в Братиславе хватает. Вчера вечером по пути в свой „Форум” они прошли мимо „Данубы”. Начнём с „Форума”.

Даниил не мог скрыть волнения, когда спросил у администратора, не остановились ли у них два израильтянина, старик и юноша.

– У нас останавливается много израильтян. Но именно вчера вечером улетели домой пожилой господин и юноша.

– Умоляю вас, покажите мне регистрационную книгу!

– Я был бы рад оказаться вам полезным, но мы не имеем права показывать регистрационную книгу посторонним. Только полиции.

– Я знаю. Но поймите, возможно, это был мой брат, которого я не видел и о котором не имею представления пятьдесят два года.

– Увы, господин, я не имею права.

Стенли молча положил двадцатидолларовую купюру. Администратор молча спрятал её в ящик, молча достал регистрационную книгу и молча указал карандашом нужную строку.

Так. Захави Гавриэль. Захави? Даниил не знал, что наиболее близкий перевод на иврит фамилии Гольдман – Захави. Захав – золото. Но какое это имело значение! Гавриэль! Захави Гавриэль 1927 года рождения. Это он! Место рождения Братислава, Чехословакия. Конечно, Гавриэль! Брат! Стенли записал адрес и номер телефона.

– Так, сын, у нас есть ещё ночь. Через два часа позвоним.

– В Израиль?

– Домой. Мы немедленно летим к Гавриэлю!

– Не разумнее ли сперва позвонить?

– Не надо звонить. Это Гавриэль. Это мой любимый брат. Не надо звонить. Не будете ли вы так добры, заказать нам билеты на ближайший рейс в Израиль - попросил он у администратора.

– Увы, господин, ближайший рейс только через шесть дней. Самолёт из Братиславы в Тель-Авив только один раз в неделю. Если это срочно, можно лететь из Вены или из Праги.

* * *

Гавриэль подстригал траву и без того безупречно ухоженного газона. Но ведь три недели жена не прикасалась ни к траве, ни к розам, ни к бугенвиллии. Сад и лужайка держатся только на нём. Три недели он с Роненом путешествовал по местам, которые кровоточили в нём незаживающей раной. Мазохизм? Нет. Когда-нибудь это следовало осуществить. А сейчас, как ему казалось, не было лучшей возможности, а может быть, даже единственной возможности наставить Ронена на путь истинный. Ронен – славный мальчик. Объективно. Не потому, что он внук. Бригадный генерал, командир одной из самых престижных дивизий – Ронен прослужил в ней три года – говорил Гавриэлю, в роте которого он был когда-то солдатом, что Ронен образцовый воин. Генерал уговаривал его остаться в армии, считая, что военная карьера – его естественное будущее. Но Ронен сказал, что по горло сыт рамками и ограничениями, что он мечтает несколько месяцев поскитаться по Индии, Непалу, по Дальнему Востоку или по джунглям Южной Америки. А там будет видно, какую дорогу выбирать.

Это обычное поведение многих израильских юношей и девушек, отслуживших армию. Какая-то непонятная склонность к авантюризму. Но прибавляет ли это любовь к своей стране? А может

быть прибавляет? Порой Гавриэль сомневался и обвинял себя в старческой нетерпимости. Мол, мы были другими. Ну, были. Действительно, разные. Так ведь и время разное. И всё же... У него лучшее в Израиле собрание записей фортепьянных концертов, а Ронен слушает грохот кастрюль, вообще не имеющий никакого отношения к музыке. Но ведь солдатом он был хорошим.

Может быть, что-то изменилось в мире, и вместе с миром изменилась молодёжь? И всё-таки, зачем парням нужна серьга в ухе? Или почему бейсбольная кепка должна быть повернута козырьком к заднице? Дальний Восток!.. Мы, небось, не мечтали ни о каких Непалах и южно-американских джунглях, а после армии строили страну. Вот он, например, демобилизовался из армии в звании майора. Мог сделаться каким-нибудь чиновником, или открыть свое дело. Но предпочёл стать строительным рабочим. Был плиточником, плотником, сантехником, штукатуром, электриком. Только овладев всеми строительными профессиями, стал подрядчиком. Миллионов не нажил. Удовлетворился скромным достатком. Много ли человеку надо? Коттедж у него не шикарный, но вполне приличный. Места в нём достаточно не только для двоих, но и для детей и внуков, хотя у них своё неплохое жильё. Дочь и сын стали врачами. Отец был бы доволен своими внуками.

Гавриэль рано ушёл на пенсию – в шестьдесят лет. Теперь он мог уже полностью, посвятить себя философии. Именно философия была причиной его ухода из армии, в которой – никто не сомневался в этом – его ждали генеральские погоны. Именно философия была причиной того, что он не стал очень состоятельным подрядчиком. Зато фундаментальное знание философии от Декарта и Спинозы до Бердяева и Бергсона позволяет ему забавляться неуютностью этих прекраснотных левых профессоров, когда он, человек без формального образования, появляется на их семинарах.

Сколько из этих занимающих кафедры трепачей не сдали бы ему экзамена по Канту и даже по Марксу, которого они, занявшие университетские должности благодаря протекции правивших социалистов, считают философом! Не доходит до них, что своим слякотным либерализмом они разрушают страну. Пожалуй, и до него не очень скоро дошло. Его тоже в молодости привлекали социалистические лозунги. Он уже имел представление о Платоне, Аристотеле, Демокрите, а к Библии даже не прикасался. И это после всего пережитого. А может быть, благодаря пережитому? Только потом, изучая философов, он снова и снова обращался к Библии, а, надев ермолку, каждую неделю внимательно, словно впервые, вникал в очередную недельную главу и в комментарии к ней.

Его попытки приобщить к Торе Ронена наткнулись на иронический скептицизм старшего внука. Гавриэль часто повторял ему фразу, которой нередко сбивал спесь с противника во время дискуссии: „Не принимай воображаемое за действительное, если оно противоречит факту”. Но, в отличие от университетских профессоров, Ронен только насмешливо улыбался, услышав эту фразу. Из всех сил Гавриэлю хотелось удержать внука от поездки. Он верил, Ронен не пристрастится к наркотикам, что, к сожалению, случилось с некоторыми во время таких поездок. Но лучше бы без соблазнов. И тогда он прибегнул к не весьма желательному средству.

Гавриэль никогда не рассказывал об Освенциме, о невероятном побеге, о чуде спасения, о партизанском отряде, воспоминания о котором даже сейчас переполняли его гордостью. Конечно, только случаем можно объяснить, что он наткнулся именно на этот партизанский отряд. Командиром оказался еврей, опытный и смелый офицер Красной армии. Отряд был интернациональным. На равных в нём воевали украинцы, русские, поляки, словаки, мадьяры и даже два немца.

Разведкой командовал до сумасшествия храбрый еврей. В совершенстве владея немецким, французским и румынским языками, он обычно работал под немецкого майора инженерных войск. Гавриэль воевал непосредственно под его началом и вскоре стал правой рукой командира.

За смерть родителей он кое-что взыскал с немцев. Сколько пассажирских поездов с офицерами и солдатами, сколько воинских эшелонов они взорвали!

О Даниэле он ничего не знал ни тогда, ни сейчас. Все многочисленные попытки получить какие-нибудь сведения о любимом младшем брате заканчивались ничем.

Ронен, как-то ещё будучи ребёнком, спросил у него, зачем деду нужны цифры на предплечье. Гавриэль впервые нарушил правило не уходить от вопросов ребёнка. В тот день он чуть было не согласился с предложением зятя, отца Ронена, отличного пластического хирурга, убрать это рабское тавро.

И вот сейчас он рассказал Ронену о гетто в Будапеште, об Освенциме, о партизанском отряде, о том, что обязан посетить места кошмаров своей юности, что это долг перед уничтоженными. Бабушка, как известно Ронену, не очень крепка, чтобы сопровождать его в такой поездке. У детей свои планы на отпуск. А Ронен сейчас свободен. Если ему это в тягость, придется поехать одному. Ронен согласился не раздумывая.

Похоже, за эти три недели внук повзрослел больше, чем за три года службы в армии. Во всяком случае, о поездке, которую Гавриэль считал авантюрой, речь больше не заходила.

У калитки остановилось такси. Гавриэль выключил мотор косилки. С интересом и недоумением наблюдал за тем, как таксист под присмотром молодого джентльмена открыл багажник и стал извлекать чемоданы.

И вдруг из автомобиля вышел... Господи Всемогущий! Да ведь в этом не может быть сомнений! Даниэль!

– Даниэль!!!

Он выскочил из калитки, схватил в объятия Даниила. Господи! Он ведь так любил своего братика, этого ребёнка, так любил! Они замерли, обнявшись, молча, только плечи вздрагивали конвульсивно.

Стенли, лишённый эмоций Стенли, смахнул слезу. Он унаследовал от отца надёжную веру в неразрывную цепь причинно-следственных связей, в которой каждое звено доступно логическому анализу. И вдруг такая необъяснимая встреча. Невероятно!

Таксист выгрузил чемоданы и молча смотрел, понимая, что происходит нечто необычное. Впрочем, они ведь в Израиле. Всё здесь необычное.

Первым заговорил Даниил. По-английски. Только на этом языке он мог полностью выразить себя. Гавриэль понял, и дальше общение продолжалось уже только по-английски. Добро, кроме жены и младших внуков, детей сына, все свободно владела английским языком.

За праздничным столом, накрытым на террасе, Даниил повторил для всех то, что рассказал Гавриэлю – посещение кладбища в Братиславе и последовавшими за этим действия.

Ронен приехал позже всех. После взаимных представлений, в которых не было необходимости – дед и его брат были похожи как близнецы – Ронен полуобнял Стенли и насмешливо спросил:

– Uncle Sam? (Дядя Сэм?)

– Uncle Stanly (Дядя Стэнли), – в тон прозвучал ответ, и они оба рассмеялись. Вместе с пиджаком и галстуком Стенли снял с себя снобистское высокомерие. В этот тёплый израильский вечер, в этой тёплой семье, в которой он сразу почувствовал себя родным, ни в галстук, ни в высокомерии не было необходимости.

Ронен с неприсущей ему серьёзностью впитывал в себя рассказ Даниила, находясь, казалось, и здесь и одновременно в другом измерении. Когда Даниил закончил рассказ о полёте из Вены, Ронен поднялся и скрылся в доме. Появился он на террасе минуты через две. На буйной его шевелюре красовалась бело-голубая праздничная ермолка деда.

Гавриэль внимательно посмотрел на внука. Он не спросил, но Ронен расслышал удивлённый вопрос и, улыбнувшись, ответил:

– Всё очень просто. У моего дорогого деда есть любимое изречение: „Не принимай воображаемое за действительное, если оно противоречит факту“. Но в данном случае факту ничто не противоречит. Не так ли, Гавриэль?

1997 г.

Ион ДЕГЕН.